

Научная статья

УДК 811.512.157 + 808.2

DOI 10.17223/18137083/86/17

**Метафора дыма:
реконструкция культурных смыслов
(на материале якутской лингвокультуры)**

Луиза Львовна Габышева

Северо-Восточный федеральный университет
имени М. К. Аммосова
Якутск, Россия

ogonkova-jenya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4911-272X>

Аннотация

Рассматривается языковая и культурная семантика якутского слова *бууро* 'дым', порождающего систему метафорических моделей в лексике, фразеологии и фольклоре. Как свидетельствует материал, метафоре дыма присущи смысло- и текстообразующие функции, в якутской лингвокультуре она не только образует парадигму языковых единиц с общей семантикой 'потомки, продолжение рода', но и служит источником порождения текста загадок, пословиц, благопожеланий, заклинаний, эвфемизмов и т. д. Анализируемая метафора отражает фрагмент фольклорной картины мира народа саха, связанный с патриархальной семьей, социальной ролью сына и дочери в продолжении рода.

Ключевые слова

устная память, якутская лингвокультура, метафора, семантика, фольклор, гендерные стереотипы

Для цитирования

Габышева Л. Л. Метафора дыма: реконструкция культурных смыслов (на материале якутской лингвокультуры) // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 236–247. DOI 10.17223/18137083/86/17

© Габышева Л. Л., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 236–247

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 236–247

Smoke metaphor: reconstruction of cultural meanings (a case study of Yakut linguoculture)

Luiza L. Gabysheva

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation

ogonkova-jenya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4911-272X>

Abstract

The paper examines the linguistic and cultural semantics of the Yakut word *buruo* (smoke) by exploring its metaphorical manifestations in vocabulary, phraseology, and folklore. The folklore text is analyzed using a structural-semiotic approach to examine language as a cultural verbal code. For the first time, the smoke metaphor is recognized as a source of riddles, proverbs, good wishes, incantations, euphemisms, and others. Otherwise, the metaphor is found to have meaning- and text-forming functions. In the Yakut linguoculture, the smoke metaphor creates a micro paradigm of linguistic units with the general semantics of “descendants, a continuation of the family.” The metaphor under study is suggested to be a cultural element of the Sakha people’s folklore, specifically related to the patriarchal family structure and the roles of sons and daughters in procreation. The smoke metaphor, a tool for creating new concepts and pictorial means in language and culture, proves to be an element of the informational structures of oral collective memory. It preserves the principle of patrilineage, gender stereotypes, and traditional ideas of the Sakha people about the succession of generations and procreation, understood as “development, advancement through stages of development.” A significant finding is that a polysemous word, phraseology, paremy, epithet, folklore formula, symbol, and others can preserve considerable information in a coiled form and serve as an optimal way of its oral transmission in time and space. To conclude, folklore text metaphors are not only emotionally rich but also involve “condensed” meaning, with a symbol representing the information compression.

Keywords

oral memory, Yakut linguoculture, metaphor, semantics, folklore, gender stereotypes

For citation

Gabysheva L. L. Smoke metaphor: reconstruction of cultural meanings (a case study of Yakut linguoculture). *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 236–247. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/17

Своеобразие слова в фольклорном тексте во многом состоит в способности к семантическому колебанию между лексическим значением, с одной стороны, и своей культурной значимостью, с другой. Оно является единицей лексической системы языка и вместе с тем определенным культурным знаком, и наибольшая трудность заключается в том, чтобы дать целостное представление о семантике лексемы во всем ее объеме.

Лексикон языка, будучи погружен в стихию устного народного творчества, насыщается богатством смысловых обертонов, образностью, эмоциональной экспрессией. Вырванное из всего массива культурных традиций, слово может утратить многоплановость и динамичность своего жизненного содержания, коннотации и ассоциации. В нем спрессована, подобно геологической эпохе, тысячелетняя память народа, отсюда особая его роль в механизме передачи культурного опыта из уст в уста, от поколения к поколению.

Всё это в полной мере относится к якутской многозначной лексеме *буруо* ‘дым’, особенностью которой является высокий смыслообразующий потенциал и, как следствие, «тяготение» к символизму.

Мы выдвигаем гипотезу, согласно которой метафора дыма, выступая инструментом создания в языке и культуре новых концептов и изобразительных средств, служит элементом информационных структур устной коллективной памяти и хранит традиционные представления народа саха о продолжении рода, принципе патрилинейного счета родства, гендерные стереотипы.

Имя *буруо* ‘дым, чад’ в переносном смысле означало ‘жилая юрта’, ‘семья, отдельное хозяйство’¹: «*Биһиги билигин уонтан тахса буруо дьон баарбыт...* Нас теперь живет больше десяти семей (дымов)», – сообщается в одном из исторических преданий народа саха [Пекарский, 1958, т. 1, с. 570; Исторические предания..., 1960, с. 271, 274]. Подобный перенос значения является типичным для многих языков, в том числе тюркских². Производная лексема *буруолаах* ‘дымный, дымящийся’, субстантивирываясь, приобретает значение ‘житель’, ‘жилище, семья со всем хозяйством’ [ТСЯЯ, 2005, с. 576]. В паремии говорится: «*Буруолаах буруолаабы итэбэйбэтигэр дылы. Житель жителю не верит*» [Пекарский, 1958, т. 1, с. 571]. Называя ближайшего соседа, якуты прибегают ко вторичной номинации *булжуһа буруолаах* букв. ‘смешанные дымы’ [Нелунов, 1998, с. 40]. Функционирует и поговорка: *Тилиһэ тиэргэн, булжуһа буруо* ‘Дворы общие, дымы смешанные’ [Якутские пословицы..., 1962, с. 152].

Показательно, что полисемантическое слово *буруо* ‘дым’ образует во фразеологии микропарадигму сходных по внутренней форме языковых единиц с общей семантикой ‘потомки, продолжение рода’. Так, если существует фразеологическая единица (далее ФЕ) *буруо оннугар буруо хаалла* (букв. ‘на месте дыма дым остался’), т. е. потомки остались, то употребительны и выражения с антонимичным значением: *буруота сүттэ* (букв. ‘дым его исчез, потерялся’), (*уһун*) *буруота быһынна* (букв. ‘длинный дым его прервался’), т. е. после него никого (из потомков) не осталось; род его прекратился [Нелунов, 1998, с. 146; 2002, с. 24; ТСЯЯ, 2005, с. 575].

По отношению к мужчине, не имеющему детей, применяется инвективное выражение *мунур*³ *буруо* ‘дым без верхушки’, внутренняя форма которого, удерживая, развивает общий исходный образ [Пекарский, 1959, т. 2, с. 1630]. Данная метафора используется в олонхо при описании несчастной судьбы мужчины: *Онон мунур буруоланар, кэлтэгэй кэскиллэнэр...* ‘Тогда (я) с укороченным дымом,

¹ В настоящее время данный лексико-семантический вариант слова считается архаизмом [ТСЯЯ, 2005, с. 574].

² Тюркский архетип **tüŋlik* ‘отверстие для дыма’, этимологически восходящий, по мнению тюркологов, к слову *tütün* ‘дым’, развил значения ‘двор, семья’ в алтайских и хакасских диалектах. Заимствование из монгольских языков *öröke* ‘дымоход в крыше юрты; заслонка, покрывающая дымовое отверстие; двор, семейство, очаг; статистическая единица, используемая в переписи’ означает в телеутском, алтайском и его диалектах ‘двор (= семья)’, ‘поселение’, в тувинском – ‘хозяйство’ [Тенишев и др., 1997, с. 507, 517].

³ Определение *мунур* означает не только «не имеющий верхушки, срезанный, укороченный», но и «не имеющий продолжения, тупиковый» [ТСЯЯ, 2009, с. 49]; ср. с толкованием семантики имени *мунур* в «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского: ‘конечный, завершённый’, ‘конец, тупик’ [Пекарский, 1959, т. 2, с. 1630–1631]. Смысл лексемы связан с идеей конца, тупика, завершения чего-либо, в настоящем контексте – продолжения рода.

ущербным уделом... (человеком стану)» [Кыыс Дэбэлийэ, 1993, с. 126–127]. В расширенном варианте упомянутое речение зафиксировано как поговорка: *Мунгур буруо, муус оһох* ‘Куцый дым, ледяной очаг’. Или: *Муус хабах, мунгур буруо*. ‘Ледяной мочево́й пузырь, куцый дым’ [Якутские пословицы..., 1962, с. 169].

Значение близкой по внутренней форме ФЕ (*уһун*) *буруота сабылынна* букв. ‘(длинный) дым кончился’ толкуется в словарях якутского языка разноречиво: ‘не стало его очага (т. е. умер одинокий хозяин); род их прекратился’ [Нелунов, 1998, с. 146] и ‘потерять возможность самостоятельного существования в качестве отдельного хозяйства’ [ТСЯЯ, 2005, с. 575]. ФЕ в значении ‘потерять возможность самостоятельного существования в качестве отдельного хозяйства’ имеет вариант *буруота умулунна* букв. ‘дым погас’ и связана системными отношениями с другими фразеологизмами: (*тусна*) *буруо таһаар* букв. ‘выпускать отдельный дым’, ‘стать, быть самостоятельным хозяином, самостоятельной семьей’ и *уһун буруону унаарыт* (букв. ‘пускать длинный дым’) ‘жить богато, счастливо’ [Нелунов, 1998, с. 214; ТСЯЯ, 2005, с. 575–576].

Можно предположить, что в этом случае мы имеем дело с проблемой «живого понимания метафорического языка фольклора» [Потебня, 1976, с. 431], указанные устойчивые словосочетания, встречающиеся в устном народном творчестве, характеризуются богатым жизненным содержанием, широкой подвижной семантикой, которая обычно, как пишет А. Ф. Лосев, «в словарях по необходимости указывается в раздельном виде, но в живом языке дается сплошно и текуче» [Лосев, 1982, с. 452]. Необходимо отметить, что анализируемые ФЕ-омонимы пересекаются по смыслу⁴, обозначая различные грани народного понимания благополучия и счастья, тесно сопряженных с идеями продолжения рода и материального благосостояния семьи. «Пусть на передние полы падают дети, а на задние полы наступают стада твои», – в такой лаконичной форме выражается благопожелание в свадебном алкыше алтайцев [Львова и др., 1988, с. 58]. Ср. с близким по смыслу текстом олонхо: «Ниспослала меня в великий срединный мир основать жизнь, свить гнездо, чтобы дым очага восемью столбами длинными поднимался вверх, не иссякая, чтобы нарожала счастливых детей, плодился удачно скот...» [Омунаах..., 2012, с. 234]. Героиня одноименного якутского эпоса Кыыс Дэбэлийэ, благословляя молодых, произносит *алгыс* (благопожелание): *Ороһу⁵ бөбөнү олохтоонгут, уһун буруобут унаарыйдын, кэнчээри бөбөнү тэнгитэннит...* ‘Малых детей побольше рожайте, пусть высокий дым ваш густо курится, пусть многочисленные ваши потомки размножатся...’ [Кыыс Дэбэлийэ, 1993, с. 268–269]. До сих пор ФЕ, варьируясь по форме, встречается в алгысах-благословениях на свадьбах: *Торбо унаар буруобут тохтообокко унаарыйдын!* ‘Пусть, клубясь беспрерывно, столб вашего дыма тянется вверх!’ [Обрядовая поэзия..., 2003, с. 270–271]. Богатая и благополучная жизнь эпического героя, владельца бесчисленных табунов и стад, будущего родоначальника людей, описана подробно, причем олонхосут не преминул упомянуть и дым, который «крутился широкой полоской, точно зады белых двух коней, поставленных рядом *кэрэ сылгы кэлин мындаатын кэккэлэтэ кэбиспит курдук кизн уорбалаах кэтит буруолаах*» [Ала-Булкун, 1994,

⁴ Пересекаются по смыслу в определенном контексте и понятия ‘семья’ и ‘отдельное хозяйство’.

⁵ *Ороһу* ‘поздний, родившийся последним, припозднившийся (о ребенке)’, ср. с алтайским термином родства *орочы* ‘младший сын, наследник’. Младший сын называется в монгольском языке хранителем очага *odxan, odcigin*. По обычаю многих народов, дом отца наследует младший сын [Владимирцов, 1934, с. 49, 54, 55].

с. 14, 100]. Сложный по структуре троп живописует мир сквозь призму излюбленного образа коня⁶, используя характерный для олонхо анатомический код.

Подтекст может размыть смысловые границы слов и выражений, язык фольклора вообще способствует «приращению» смысла и в некоторых случаях не гасит многозначность лексических единиц, создавая многомерный образ.

Таким образом, во фразеологическом корпусе имя *бууро* ‘дым’ образует ФЕ с опорой на свои переносные значения: ‘семья’ (наличие / отсутствие потомков); ‘хозяйство’⁷ (наличие / отсутствие самостоятельного хозяйства; процветающее хозяйство). Особняком стоит ФЕ *буурота уһаабыт* (букв. ‘его дым тянется’), т. е. жить долго, отличаться долголетием; ср. с синонимичным фразеологизмом *уһун уоту отун* (букв. ‘длинный огонь разжечь’)⁸ [ТСЯЯ, 2005, с. 289; 2015, с. 316–317].

Рассмотрим метафору дыма в контексте фольклора, народного мировосприятия и миропонимания по одной из семантических линий, а именно в значении ‘род, потомки’.

«Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского сохранил загадку: *Буурота үөһэнэн буруолуур* ‘Дым его верхом идет’. Отгадка: «пар от дыхания ребенка, лежащего в зыбке» [Пекарский, 1958, т. 1, с. 570]. Текст ее содержит элемент языковой игры, построенной на полисемии лексемы *бууро* ‘дым’, которая ранее означала и ‘пар’ [Там же]. Смысл паремии для носителя языка и устного народного творчества саха значительно глубже указанного простого ответа; образ дыма, идущего вверх, порождает идею – род (его) продолжается; универсальный по значению пространственный маркер ‘верх’ соотносится с благополучием и процветанием.

В культурах иных народов, в частности славянских, дым, идущий вверх, как примета предвещает семейное благополучие, здоровье домочадцев, скорую свадьбу в доме, долгую жизнь хозяину, урожайный год в противоположность дыму, плывущему вниз [Славянские древности, 1999, с. 168].

Другая якутская загадка, отличающаяся ярким национальным колоритом, изображает с помощью того же метафорического кода процесс вылупления птенцов, т. е. продолжения рода: *Кур унуохтан бууро көттүт* ‘Из старой косточки дым вылетел’ [Якутские загадки, 1975, с. 120]. В тексте использован также типичный для культуры скотоводов анатомический код – упоминается кость, которая, по выражению М. Элиаде, мыслится как «первичная материя» (ср. со старинным якутским выражением *унуох уруу* букв. ‘родство по кости’) [Элиаде, 1998, с. 126; Пекарский, 1959, т. 3, с. 3068].

В устном народном творчестве популярны загадки про дым и искры⁹: *Уһун уол (уола уһун), кылгас кыыс (кыыһа кылгас) баар үһү.* (букв. ‘длинный сын¹⁰ /

⁶ Определенные ассоциации вызывает изображение таких анатомических подробностей, как «зады» лошадей, тесно стоящих рядом.

⁷ Ср. с глаголом *бууруолан* ‘иметь отдельное хозяйство’ [ТСЯЯ, 2005, с. 576].

⁸ Отметим, что культурные коннотации слов *бууро* ‘дым’ и *уот* ‘огонь’ частично пересекаются и в других случаях: *уота умулунна* (букв. очаг в доме погас), т. е. умер последний человек в семье; *уота уоттуйбут* (букв. огонь его разжегся), т. е. обзаводиться своим домом / двором и др. [ТСЯЯ, 2015, с. 232, Нелунов, 2002, с. 268].

⁹ Можно считать универсальным метафорическое обозначение семьи, предков и потомков через понятия очага, огня, дыма и т. д. В языках многих народов слова, обозначающие очаг, служат метафорой семьи, отсюда не только перенос значения типа русского *очаг* ‘семья, родной дом’, но и широкое употребление терминов родства, в частности, в паре-

мальчик, короткая дочь / девочка есть, говорят'. – Л. Г.). 'Говорят, есть парень-длиннуля, дева-коротуля' [Якутские загадки, 1975, с. 242]. Отгадку – *буруо* 'дым' и *кыым* 'искры' – можно найти в тексте заклинания, с которым шаман обращается к почитаемому духу огня: *Уһун буруо уоллаах, кылгас кыым кыыстаах аал уотум иччитэ!* 'Дух-хозяин священного огня с сыном – длинным дымом, с дочерью – короткой искрой!' [Попов, 2006, с. 456]. В одной легенде рассказывается, как старик и старуха, лишившись ребенка, плачут: «Наш дым утерлял верхушку, укоротились искры¹¹ наши, остались мы точно опаленный сломанный комель дерева, точно черный пень...» [Сорошевский, 1993, с. 441].

Приведенный текст – *уһун буруо уоллаах, кылгас кыым кыыстаах аал уотум иччитэ* 'дух-хозяин священного огня с сыном – длинным дымом, с дочерью – короткой искрой' – является компонентом фольклорной формулы, с помощью которой вводится имя священного духа огня. Она встречается в различных жанрах устного народного творчества, может трансформироваться, не утрачивая основные образы и ассоциации.

Оппозиция дым / искра вводит противопоставление мужской / женской и вместе с тем несет информацию о различии социальных ролей лиц мужского и женского пола в продолжении рода, принципе патрилинейного счета родства в якутском обществе. Подтвердим сказанное конкретным материалом.

Метафора отсылает нас к опыту первичных ощущений, практически-действенных контактов с миром. Скрытое сравнение искры с дочерью основано на практическом опыте и образных ассоциациях – искра имеет свойство отскакивать, отпрыгивать в сторону от очага, и в паремиях возникает образ дочери-прыгуньи: *Кылыыһыт кыыстаах, айанныт уоллаах Көпсөгөлөөн оҕонньор баар үһү* 'Говорят, у старика Көпсөгөлөөн дочь-прыгунья да сын-путник'. Отгадка: *уот, буруо, кыым* 'огонь', 'дым', 'искра' [Якутские загадки, 1975, с. 242].

При патрилокальном браке, принятом в якутском родовом обществе, дочь-невеста «отделяется», уезжает от родных в другой род, молодые живут там, где жил отец мужа. При входе в дом жениха невеста, согласно якутскому свадебному обряду, «грудью разрывала ветку тальника, что служило символом разрыва с ро-

миях народов мира о печи. Приведем якутские и русские паремии: *Ийэлэрин тотору аһаттаахха, оччоҕо кыргытара балаҕан үрдүгэр тахсаллар, уолаттара халаанҕа көтөллөр*. 'Если мать досыта накормить, дочери по крыше разбегаются, сыновья в небеса устремляются' [Якутские загадки, 1975, с. 241]. *Мать толста, дочь красна, сын кудреват, отец горбоват* (отгадка: печь, огонь, дым, кочерга). В якутских паремиях образы дыма и искры соединяются с представлением о детях, нередко приобретая гендерные различия: *Кыһыл оҕолор сырсан эрэллэр* 'Красные ребятки наперегонки бегут' (отгадка: искры). *Көһөй тииттэн сыгыннах оҕолор уһуулар баар үһү* 'Говорят, из полой лиственницы голые ребятки выбегают' (отгадка: искры). *Бөрө сабыннахтаах оҕолор сырсан эрэллэр үһү* 'Говорят, детишки в волчьих дошках бегают' (отгадка: дым) и др. [Якутские загадки, 1975, с. 243–244].

¹⁰ В загадках других народов дым выступает также в образе сына, который рождается прежде отца-огня: «Еще отец не народился, а сын уже по крыше / по свету ходил» [Славянские древности, 1999, с. 168].

¹¹ Ср. с метафорой искр в тексте якутского камлания против бесплодия супругов: *Саамай үчүгэйдик туннүктэрэ бүөлэннин диэн, оһохторо кыымнаннын диэн...* 'Пусть как можно лучше закроются их окна, пусть в их камине появятся искры...' [Попов, 2006, с. 236].

дителями¹²» [Слепцов, 1989, с. 40]. «Женщина является продолжательницей чужого рода, т. е., выходя замуж за представителя другого *аба ууһа* (отцовского рода. – Л. Г.), она рождает детей не своего отчего рода, а рода мужа», – пишут этнографы¹³ [Федорова, 2012, с. 5].

Паремии косвенно подтверждают сказанное: *Кыыс оҕо – омук анала*. ‘Дочь предназначена иноплеменнику’; ср. с алтайской пословицей: *Кыс чыгара тартар, уул кийдире тартар*. ‘Дочь наружу тянет, сын вовнутрь тянет’ [Алтайские пословицы..., 1956, с. 67]. Пословицы, предупреждая, наставляют: *Дьоллоох кыыс төрөөбүтүттэн (ийэтиттэн, абатыттан) ыраах эрэ барар*. ‘Счастливая девушка выходит замуж далеко от родины (от матери и отца)’. Или: *Төрөөбүтүгэр олорор кыыс дьоло суох буолар*. ‘Девушка, живущая у родных, не бывает счастлива’ [Якутские пословицы..., 1962, с. 164–165].

В патрилокальном социуме миссия продолжения рода возлагается на сына, и сквозной для различных фольклорных жанров образ дыма, плывущего из очага вверх по небу, ярко и зримо передает его предназначение – быть связующим звеном между мирами предков¹⁴ и потомков. Лексему *буруо*, которая ассоциируется с идеей продолжения рода, можно назвать словом-символом или, в терминах Ю. М. Лотмана, образом-моделью, имеющим «синкретическое словесно-зрительное бытие» [Лотман, 1996, с. 116]. Миф как первая форма постижения мира, его воспроизведения и объяснения тесно связан с целостным чувственным образом¹⁵, с символом.

Формула включает, помимо указанных оппозиций дым / искра, мужской / женский, антитезу длинный / короткий. Широкий смысл имеют постоянные эпитеты, связанные антонимией *уһун уол / кылгас кыыс* ‘длинный или высокий сын / короткая или низкая дочь’. Они отражают гендерные стереотипы, которые содержат культурно и социально обусловленные мысли и пресуппозиции, относящиеся к признакам и атрибутам поведения представителей того или иного пола. В «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского прилагательное *кылгас* ‘короткий’ означает вместе с тем ‘недалекий’, ‘малодушный’, ‘имеющий скудные средства к жизни’; ср.: с наречием *кылгастык* ‘в скудости (жить)’ [Пекарский, 1959, т. 2, с. 1385]. В современном якутском языке семантика имени *кылгас* практически не изменилась: ‘небольшой, низкий’, ‘недальновидный’, ‘малоимущий, бедный’ и т. п. [ТСЯЯ, 2008, с. 232–234]. Все вышеназванные характеристики соответст-

¹² В старинной песне *Суктэр кыыс ырыата* ‘Песня девушки, выходящей замуж’ звучат рефреном слова расставания (*арааран* ‘оторвав, разлучив’) с родной землей и прощания с родителями (*на веки веков, навсегда прощайте*), мотив дальнего пути и чужбины (*«я должна последовать за парнем из такого далекого племени, что, если поищешь – следов не увидишь, если крикнешь – голоса не услышишь»*) [Якутские народные песни, 1977, с. 214–215, 220–223].

¹³ Свидетельством этого служит, как утверждает Е. П. Федорова, факт «большой терминологической дифференциации различных категорий патрилатерального родства по сравнению с матриллатеральным» [Федорова, 2012, с. 5].

¹⁴ По нашему предположению, мифический мир предков у якутов и других тюркских народов располагался на родовой священной горе; подробнее см. [Габышева, 2009, с. 59–61].

¹⁵ В связи с этим отметим, что постоянный эпитет дыма *уһун* ‘длинный’ имеет омоформу – глагол *уһун* ‘течь, передвигаться по водной поверхности; медленно плавно двигаться по чему-либо’, и эти ассоциации, возникающие невольно, сопровождают образ дыма в фольклорных текстах.

вуют гендерным стереотипам патриархального общества, в котором женщина имела низкие ¹⁶ социальный статус и оценку.

Семантика слова *уһун* ‘длинный; длина’ включает сему ‘продолжительность во времени’ (ср. с однокоренным глаголом *уһаа* ‘продолжаться’; сын – продолжатель рода)¹⁷, оно порождает ряд фразеологических единиц со значением долголетия¹⁸, а в современном якутском языке образует парные лексемы *уһун-ыраах* (букв. длинное-далекое) и *уһун-киэн* (букв. длинное-широкое) ‘будущее, грядущее’ [ТСЯЯ, 2015, с. 314, 318–319]. Слова со значением ‘потомок’ и ‘будущее’ предполагают близкую смысловую связь и входят в одно семантическое поле.

В отличие от дочери-прыгуни, образ сына в загадках о дыме определяется как *айанньыт* ‘путник, путешественник’; важные для нашего анализа смыслы этого имени раскрывают однокоренные лексемы. Значение существительного *айан* – это не просто дорога или путь, а дальний путь, дальняя поездка («обычно трудная, длительная и хорошо снаряженная»); в современном языке оно получило характерное переносное значение ‘путь развития, продвижение по ступеням развития’ [ТСЯЯ, 2004, с. 309]. Примечательно, что полисемантический глагол *айаннаа* ‘совершать дальнюю поездку, путешествовать’ употребляется в речи и как эвфемизм, означая ‘умереть, скончаться (о стариках)’. Глагол входит в состав фразеологизма *анараа дойдуга айаннаа* ‘отправляться на тот свет, умереть’ [Там же, с. 311–312]; изображение смерти как путешествия в загробный мир, как известно, бытует у многих народов. В связи с данным материалом приведем загадку, в которой дым предстает в образе летящих в небеса стариков, облаченных в серые дохи: *Борон сабынньахтаах оһонньоттор халлаанга кэтөллөр үһү*. ‘Говорят, старики в серых дохах в небеса улетают’ [Якутские загадки, 1975, с. 240].

В словесно-образных импликациях метафоры, связях значений, а также в тропях и образах фольклора индицируются гендерные стереотипы, правило патрилинейного счета родства, понимание смены поколений и продолжения рода как ‘пути развития, продвижения по ступеням развития’.

Итак, слово-символ *буруо* образует систему метафорических моделей со значениями ‘семья, род и его продолжение’, ‘потомки, сын’, ‘самостоятельное отдельное хозяйство’, ‘долголетие’ и др. Отдельные указанные значения зарегистрированы в словарях как лексические, в большинстве случаев они проявляются в мифопоэтических тропях, формулах, образах якутского фольклора. Как свидетельствует материал, метафоре дыма присущи смысло- и текстообразующие функции, в якутской лингвокультуре она не только формирует парадигму полисемантических слов и ФЕ с общей семантикой ‘потомки, продолжение рода’, но и служит источником порождения текста загадок, пословиц, алгысов, заклинаний, эвфемизмов и т. д.

¹⁶ Противопоставление *уһун уол / кылгас кыыс* актуализируют и оппозицию *высокий / низкий*.

¹⁷ Любопытно, что эпитет *уһун* (*буруо*) ‘длинный’, имеет гендерную референцию в языке табу: субстантивированное прилагательное служило эвфемистическим обозначением детородного органа самца животного (ср. с номинацией мужского полового члена *уһун сэн*); это значение зарегистрировано в «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского [1959, т. 2, с. 2166, 3089].

¹⁸ Ср. с благопожеланием: *Уһун тускул тут!* (букв. длинное благополучие держи) ‘благословить на долгую счастливую жизнь’; *өссө да уһуннук оһор* ‘долгих лет жизни’; *уһун үйэлэн* ‘жить долго, быть долгожителем’ [ТСЯЯ, 2005, с. 289; 2015, с. 316–317].

В процессе исследования метафора дыма раскрывается как «устойчивое языковое и речевое образования, несущее в себе “кванты” традиционной культурной информации» [Артеменко, 2005, с. 100]. Человек, творец и носитель устного народного творчества, свои воззрения на различие социальных ролей мужчины и женщины в продолжении рода, гендерные стереотипы передает, не прибегая к декларативным заявлениям или логическим суждениям, а кодируя экономичным способом – с помощью метафор и символов, способных хранить и транслировать в «сжатом» виде систему культурных смыслов и традиционные ценности. Из мифа вырастает метафора, и ее анализ приводит к осмыслению значимости мифологических элементов мышления в смысловых структурах языка [Габышева, 2003, с. 57–159]. Метафора дыма, отражая фрагмент картины мира якутов, связанный с патриархальной семьей, правилом счета родства, служит элементом информационных структур устной коллективной памяти.

Список литературы

- Ала-Булкун: Якутское олонхо / Сказитель Т. В. Захаров-Чээбий. Якутск, 1994. 101 с.
- Алтайские пословицы и поговорки / Сост. С. С. Суразаков. Горно-Алтайск, 1956. 42 с.
- Артеменко Е. Б. Фольклорная формула и устнопоэтическая традиция // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж: ВГПУ, 2005. Ч. 2. С. 99–108.
- Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Л., 1934. 224 с.
- Габышева Л. Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов). М.: РГГУ, 2003. 192 с. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 38)
- Габышева Л. Л. Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск: Наука, 2009. 187 с.
- Исторические предания и рассказы якутов: В 2 ч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 1. 432 с.
- Кыыс Дэбэлийэ: Якутский героический эпос / Сказитель Н. П. Бурнашев. Новосибирск: Наука, 1993. 330 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока)
- Лосев А. Ф. Знак, символ, миф. Труды по языкознанию. М., 1982. 480 с.
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.
- Нелунов А. Г. Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. Т. 1. 287 с.; 2002. Т. 2. 298 с.
- Обрядовая поэзия саха (якутов). Новосибирск: Наука, 2003. 512 с.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: В 3 т. Якутск, 1958. Т. 1. С. 1–1280; 1959. Т. 2. С. 1281–2508; Т. 3. С. 2509–3858.
- Попов А. А. Камлания шаманов. Новосибирск: Наука, 2006. 464 с.
- Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.
- Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. СПб., 1896. 736 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2: Д–К. 697 с.

Слепцов П. А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX – начало XX в.). Якутск, 1989. 159 с.

Тенишев Э. Р., Благова Г. Ф., Добродомов И. Г., Дыбо А. В. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1997. 800 с.

ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка: В 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 1 (Буква А). 680 с.; 2005. Т. 2 (Буква Б). 912 с.; 2008. Т. 5 (Буква К). 910 с.; 2009. Т. 6 (Буква Л–Н). 519 с.; 2015. Т. 12 (Буква У, Ү). 598 с.

Федорова Е. П. Термины родства и свойства в якутском языке: структурно-семантическое описание: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск: ИД СВФУ, 2012. 16 с.

Элиаде М. Шаманизм: Архаические техники экстаза. Киев, 1998. 384 с.

Якутские загадки. *Саха таабырыннара* / Сост. С. П. Ойунская. Якутск, 1975. 375 с.

Якутские народные песни: В 4 ч. Якутск, 1977. Ч. 2: Песни о труде и быте. 422 с.

Якутские пословицы и поговорки / Сост. Н. В. Емельянов. Якутск, 1962. 246 с.

Омуннаах-гөлөннөөх Уол Эр Соҕотох / Н. Г. Тагров; подгот. В. В. Илларионов. Якутск: ИД СВФУ, 2012. 368 с. (Серия «Саха олонхото»)

References

Ala-Bulkun: Yakutskoe olonkho [Ala-Bulkun: Yakut Olonkho]. Zakharov-Cheebiy T. V. (Storyteller). Yakutsk, 1994, 101 p.

Altayskiye poslovitsy i pogovorki [Altai proverbs and sayings]. S. S. Surazakov (Comp.). Gorno-Altaysk, 1956, 42 p.

Artemenko E. B. Fol'klornaya formula i ustnopoeticheskaya traditsiya [Folklore formula and oral-poetic tradition]. In: *Problemy izucheniya zhivogo russkogo slova na rubezhe tysyacheletiy. Materialy 3 Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Problems of studying the living Russian word at the turn of the millennium. Materials of the 3rd All-Russian sci.-pract. conf.]. Voronezh, VSPU, 2005, pt. 2, pp. 99–108.

Eliade M. *Shamanizm: Arkhaicheskie tekhniki ekstaza* [Shamanism: Archaic techniques of ecstasy]. Kiev, 1998, 384 p.

Fedorova E. P. *Terminy rodstva i svoystva v yakutskom yazyke: strukturno-semanticheskoye opisaniye* [Terms of kinship and properties in the Yakut language: structural and semantic description]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Yakutsk, NEFU, 2012, 16 p.

Gabysheva L. L. *Slovo v kontekste mifopoeticheskoi kartiny mira (na materiale yazyka i kultury yakutov)* [The word in the context of the mythopoetic worldview (based on the language and culture of the Yakuts)]. Moscow, RSHU, 2003. (Chteniya po istorii i teorii kul'tury [Readings on the history and theory of culture]. Iss. 38). 192 p.

Gabysheva L. L. *Fol'klornyy tekst: semioticheskiye mekhanizmy ustnoy pamyati* [Folklore text: semiotic mechanisms of oral memory]. Novosibirsk, Nauka, 2009, 187 p.

Istoricheskie predaniya i rasskazy yakutov: V 2 ch. [Historical legends and stories of the Yakuts: In 2 pts.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1960, 432 p.

Kuys Debeliye: Yakutskiy geroicheskii epos [Kuys Debeliye: Yakut heroic epic]. Burnashev N. P. (Storyteller). Novosibirsk, Nauka, 1993. (Pamyatniki fol'klora narodov

Sibiri i Dal'nego Vostoka) [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. 330 p.

Losev A. F. *Znak, simbol, mif. Trudy po yazykoznaniyu* [Sign, symbol, myth. Works on linguistics]. Moscow, 1982, 480 p.

Lotman Yu. M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow, LRC Publishing House, 1996, 464 p.

L'vova E. L., Oktyabr'skaya I. V., Sagalayev A. M., Usmanova M. S. *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshny mir* [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. The material world]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 225 p.

Nelunov A. G. *Yakutsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [Yakutsk-Russian phraseological dictionary]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 1998, vol. 1, 287 p.; 2002, vol. 2, 298 p.

Obryadovaya poeziya sakha (yakutov) [Ritual poetry of Sakha (Yakuts)]. Novosibirsk, Nauka, 2003, 512 p.

Omunnaah-tөлөннөөһ Uol Jer Soḡotoh [Furious-Ardent Jer Soḡotoh]. Tagrov N. G (Storyteller); Illarionov V. V. (Comp.). Yakutsk, SEFU, 2012. (Seriya ("Sakha olonkhoto" [Yakut epic series])). 368 p.

Pekarsky E. K. *Slovar yakutskogo yazyka: V 3 t.* [Dictionary of the Yakut language: In 3 vols]. Yakutsk, 1958, vol. 1, pp. 1–1280; 1959, vol. 2, pp. 1281–2508; vol. 3, pp. 2509–3858.

Popov A. A. *Kamlaniya shamanov* [Shamans' kamlan'e]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 464 p.

Potebnya A. A. *Estetika i poetika* [Aesthetics and Poetics]. Moscow, Iskusstvo, 1976, 614 p.

Seroshevsky V. L. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts. The experience of ethnographic research]. St. Petersburg, 1896, 736 p.

Sleptsov P. A. *Traditsionnaya sem'ya i obryadnost' u yakutov (19 – nachalo 20 v.)* [Traditional family and rituals among the Yakuts (19th – early 20th centuries)]. Yakutsk, 1989, 159 p.

Slavjanskiye drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: In 5 vols.]. Tolstoy N. I. (Ed.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999, vol. 2: D–K. 697 p.

Tenishev E. R., Blagova G. F., Dobrodomov I. G., Dybo A. V. *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Vocabulary]. Moscow, Nauka, 1997, 800 p.

Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka: V 15 t. [Explanatory dictionary of the Yakut language: In 15 vols]. P. A. Sleptsov (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2004, vol. 1 (Bukva A [Letter A]). 680 p.; 2005, vol. 2 (Bukva B [Letter B]). 912 p.; 2008, vol. 5 (Bukva K [Letter K]). 910 p.; 2009, vol. 6 (Bukvy L–N [Letters L–N]). 519 p.; 2015, vol. 12 (Bukvy U, Y [Letters U, Y]). 598 p.

Vladimirtsov B. Ya. *Obshchestvennyy stroy mongolov* [The social system of the Mongols]. Leningrad, 1934, 224 p.

Yakutskie narodnye pesni: V 4 ch. [Yakut folk songs: in 4 pts.]. Yakutsk, 1977, pt. 2: Pesni o trude i byte [Songs about work and life]. 422 p.

Yakutskie poslovitsy i pogovorki [Yakut proverbs and sayings]. Emelyanov N. V. (Comp.). Yakutsk, 1962, 246 p.

Yakutskiye zagadki. Sakha taabyrynnara [Yakut riddles]. Oyunskaya S. P. (Comp.). Yakutsk, 1975, 375 p.

Информация об авторе

Луиза Львовна Габышева, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего языкознания и риторики Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Якутск, Россия).

Information about the author

Luiza L. Gabysheva, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, Department of General Linguistics and Rhetoric, North-Eastern Federal University in Yakutsk (Yakutsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 12.01.2022;
одобрена после рецензирования 26.03.2022; принята к публикации 26.03.2022
The article was submitted on 12.01.2022;
approved after reviewing on 26.03.2022; accepted for publication on 26.03.2022*